

Моск. правда. - 1998. - 12 февр. - с. 16.

Пришвин-фотограф — поэт трагический

В о дни побед и бед народных Русь была в колокола. Временами это были трагические звуки, вселявшие тревогу и смутнение в сердце человека, а порой — праздничные звоны, заставлявшие вдруг вздрогнуть каждую российскую душу, а затем объединиться в едином порыве вселенского торжества.

Да, каждый колокол имел голос и душу. Но снимки, представленные на юбилейной выставке в Государственном литературном музее Москвы, посвященной 125-летию со дня рождения замечательного писателя Михаила Михайловича Пришвина, сделанные им в 1930 году, повествуют не о том, как в колокола били, а как их...били, разрушали.

Экспонаты и фотографии, выдержки из дневника дают возможность посетителям выставки на мгновение соприкоснуться с переживаниями человека, не просто наблюдавшего какое-то действие, но осознававшего его как событие, как символ, художника, самой натуре которого разрушение как таковое было чуждо, потому что граничило с оскорблением, то время как Пришвин считал, что «вся поэзия вытекает из неоскорбляемой части человеческого существа».

Запись в тетрадке, сделанная 22 ноября 1929 года.

«В Лавре снимают колокола, и тот в 4000 пудов, единственный в мире, тоже пойдет в переливку. Чистое злодейство, и заступиться нельзя никому и как-то неприлично: слишком много жизней губят ежедневно, чтобы можно было отстаивать колокол...»

Отстаивать было нельзя, но невозможно и спокойно, как должное, принимать. И писатель снимает, снимает...

Многим читателям Пришвин-

фотограф неизвестен. На самом деле фотография была одним из его любимых занятий. Фотоаппарат-лейку он получил в двадцатые годы из Берлина в качестве гонорара за публикацию. И уже не расставался со своим новым творческим увлечением до конца жизни. Осталось большое количество снимков, еще больше негативов. Эти, о разгроме колоколов, положил отдельно, в жестяную коробку из-под чая. Печать — не время. А в дневнике, ежедневном молчаливом свидетеле творческой работы мысли писателя, новые записи.

8 января 1930 года.

«Вчера сбросили языки с Годунова и Карнаухого... Говорят, старый звонарь пришел сюда, простился с ним, «Прощай, мой друг!» — и ушел как пьяный».

9 января 1930 года.

На колокольне идет работа по снятию Карнаухого, очень плохо он поддается, качается, рвет канаты, два домкрата смял, работа опасная, и снимать было чуть-чуть рискованно. Большим колоколом, тросами, лебедками завладели дети. Внутри колокола полно ребятни, с утра до ночи колокол звонит».

15 января 1930 года.

«11-го сбросили Карнаухого. Как по-разному умирали колокола. Большой — Царь, как большой доверился людям в том, что они ему ничего худого не сделают, дался спуститься на рельсы и с огромной быстротой покатился. Потом он зарылся головой глубоко в землю. Толпы детей приходили к нему и все эти дни звонили в края его».

Сюжеты снимков привлекают художественностью и одновременно исторической достоверностью. В фотографиях М.Пришвина удивительная меткость взгляда, выверенность построения кадра, где все на месте, и каждая деталь претендует на значимость.

Вот радостная ватага детворы на развалинах, для нее осколки колокола — забава; это — рабочий с молотом, мощь ударов хорошо передана в напряжении мускулов и силе замаха; а здесь изображен бывший городской голова Моск-

вы — князь В.М.Голицын. На лице выражение грустного раздумья. О чем оно? Может, о Москве, России, судьбе детей, внуков, и кажется, что и колоколов тоже. М.Пришвин запечатлел этот взгляд сквозь время. Взгляд человека, который был ему хорошо знаком, о Голицыне он не раз упоминает в дневниках.

Эти и другие записи можно найти в тетрадях, представленных в экспозиции. Тетради подлинные, массовому читателю недоступные, хотя представляют собой огромный интерес для широкой публики. Как ни странно это звучит, издательствам сложно выпускать классику. Например, в «Московском рабочем» четвертый год не может выйти готовый четвертый том дневников Пришвина. Наверное, потому так много людей пришло на открытие выставки авторских фотографий М.Пришвина, что фотоработы, как и дневники, и все творчество писателя, составляют часть, входящую в единое целое — правдивую летопись жизни России. Жаль, что познакомиться с нею целиком все еще не пришло время.

С каждым годом в Москве все больше звучит колокольных звонов. Их голоса напоминают москвичам о многих забытых ныне традициях. Да, когда-то колокола служили сигналом тревоги, а в метели и бураны помогали путникам найти дорогу. Выставка в Трубниковском переулке Арбата, подготовленная совместными усилиями сотрудников Музея Пришвина в Дунине, Государственного литературного музея, Российского государственного архива литературы и искусства, Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника, — первая попытка открыть новую грань творческой личности всемирно признанного классика русской литературы для всех любителей и почитателей Михаила Михайловича Пришвина в юбилейный год писателя.

Елена СМЕРНОВА,
кандидат исторических наук.